

КИРИЛЛ КОБРИН

ПОСТСОВЕТСКИЙ
МАВЗОЛЕЙ
ПРОШЛОГО

Кирилл Рафаилович Кобрин
Постсоветский
мавзолей прошлого.
Истории времен Путина
Серия «Критика и эссеистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24058906

*Постсоветский мавзолей прошлого. Истории времен Путина: Новое
литературное обозрение; Москва; 2017
ISBN 978-5-4448-0489-6*

Аннотация

В своей новой книге Кирилл Кобрин анализирует сознание российского общества и российской власти через четверть века после распада СССР. Главным героем эссе, собранных под этой обложкой, является «история». Во-первых, собственно история России последних 25 лет. Во-вторых, история как чуть ли не главная тема общественной дискуссии в России, причина болезненной одержимости прошлым, прежде всего советским. В-третьих, в книге рассказываются многочисленные «истории» из жизни страны, случаи, привлечшие внимание общества. В итоге автор приходит к выводу о конце «постсоветского этапа» в истории России. Вошедшие в книгу тексты публиковались в рамках онлайн-проекта Кобрина «История времен Путина», а

также в сетевых изданиях. Кирилл Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, редактор журнала «Неприкосновенный запас», автор 20 книг и многочисленных публикаций в российской и европейской прессе.

Содержание

Краткое предисловие	5
Увертюра: остров Робинзона	14
1. No Future?	14
2. Португальские книги Робинзона Крузо	25
Глава I	34
Кошмар неистории	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кирилл Кобрин

Постсоветский мавзолей прошлого. Истории времен Путина

Я говорил сотню раз и повторяю снова: старое общество умирает. Я не настолько добродушен, не настолько плутоват и не настолько обманут в своих надеждах, чтобы принять хоть малейшее участие в том, что творится ныне.

Франсуа Рене де Шатобриан. «Замогильные записки»

*Руссо употребляет где-то выражение *mal-être*, в противоположность *bien-être*. И у нас можно бы допустить слово злосостояние по примеру благосостояние. Какой-то шутник в Москве переводил французское выражение *bien-etre general en Russie* (всеобщее благосостояние России) следующим образом: хорошо быть генералом в России.*

Петр Андреевич Вяземский

Краткое предисловие

«Располагая свободой выбора, не испытывая никакого

давления со стороны, мы тем не менее проявляем необычайное безумие, отдавая предпочтение самой тягостной для нас доле и наделяя болезни, нищету и позор горьким и отвратительным привкусом, тогда как могли бы сделать этот привкус приятным; ведь судьба поставляет нам только сырой материал, и нам самим предоставляется придать ему форму. Итак, давайте посмотрим, можно ли доказать, что то, что мы зовем злом, не является само по себе таковым, или, по крайней мере, чем бы оно ни являлось, – что от нас самих зависит придать ему другой привкус и другой облик, ибо все, в конце концов, сводится к этому». Мишель Монтень в одном из самых двусмысленных своих «опытов» говорит вроде бы очевидную вещь: наше восприятие добра и зла зависит в значительной мере от представления, которое мы имеем о них. Иными словами, лучше не считать разнообразные бедствия (и само зло) чем-то постыдным и не расстраиваться особенно по этому поводу; стоит отнестись к неприятностям, даже тяжким и серьезным, по-иному, превратить, так сказать, нужду в добродетель. Ведь неприятности (бедствия и даже само зло) – лишь сырой материал, предоставленный нам судьбой; от нас требуется уложить сырое тесто в формочки и выпечь что-то съедобное и даже вкусное.

Тексты, собранные в «Постсоветский мавзолей прошлого», сочинявшиеся по разным поводам, представляют собой именно такие формочки, куда автор осторожно укладывал сырое тесто российских (и не только российских) событий

последних нескольких лет. Нет-нет, речь не о том, что все происходившее (или даже все попавшее в поле внимания автора) есть несомненное зло, нищета, позор и болезни. Собственно, за некоторым, но важным исключением (насильное замужество чеченской девочки Хеды Гойлабиевой, дело Сенцова и кое-что еще), описанные здесь события этически нейтральны, ибо нет сегодня такой моральной инстанции, с кафедры которой можно было бы заклеить их. Да, персонально автору происходящее в России (да и в значительной части западного мира) не нравится – но это его частное мнение. Другое дело, конечно, когда речь идет об убийствах, пытках, изнасилованиях и несправедливых приговорах, но, слава богу, последние несколько лет не только из них состояли. А считать глупости, изреченные какими-то людьми, или даже их действия, не представляющие прямой физической опасности окружающим, злом, тем более Злом с большой буквы – не слишком ли драматично? Не отвлечет ли подобное отношение нас от анализа, от рационального рассуждения по поводу устройства сознания тех самых людей, которые эти слова говорят, эти поступки совершают, – а также тех, кто этим словам внимает и имеет в виду эти поступки? Иными словами, нас здесь интересует устройство нынешнего общественного сознания, преимущественно российского, – таковы формочки, в которых выпекалось тесто ниже следующих эссе.

Эти тексты действительно писались по разным поводам

и для разных изданий. Но перед читателем не «журналистика» в том смысле, в котором это слово употребляют сегодня, и даже не «публицистика». Дело в том, что и первая, и вторая (являясь жанром первой) предполагают воздействие на аудиторию – прежде всего, прямое эмоциональное. Эмоции возникают как результат быстрого и недвусмысленного морального суждения; журналист – даже если он сочиняет короткую новость – всегда знает, что хорошо, что плохо, и пытается убедить в этом публику. Тем более публицист; уж он-то точно является героем вышеприведенного монтеневского пассажа; публицист уже заранее имеет в голове образ «блага» и образ «зла» – иначе он не будет убедительным. А задача публицистики – именно убеждать.

Особенностью последних лет российской жизни как раз и было то, что чем больше публику пытались убедить, тем равнодушнее к самой идее различения добра и зла она становилась. «Факты» как медийный (и отчасти даже гуманитарно-академический) жанр исчезли почти полностью, их место заняли «мнения», что было бы даже и не столь скверно, не превратись «эмоциональное отношение» в синоним слова «мнение». Ведь на самом деле мнение есть то, что рационально истолковывается, опираясь на интеллектуальную процедуру, предполагающую – в качестве собственной опоры – факты. Если факты не нравятся – и сама их необходимость отрицается, – то никаких настоящих мнений быть не может, так, вопли Видоплясова, хитроумная истерика, ко-

рыстный косноязычный бред. Таков сырой материал, которым – если верить Монтеню – судьба снабжает любого, в частности автора этой книги, пытавшегося рационально понять происходившее в немалой части мира. Это как в шумной истории с 28 панфиловцами. Факты уверяют, что «панфиловцев» не было. Министр Мединский называет тех, кто указывает на эти факты, «мразями». Пресс-секретарь президента Путина Песков снисходительно комментирует, мол, русский язык богат и всем этим богатством чиновник, отвечающий за великую русскую культуру, блестяще владеет. Сама по себе история ничтожная, однако кое-что там интересно: прежде всего то, как устроено сознание ее героев, и то, отчего именно все эти люди (Мединский, Песков и проч.) занимают должности, которые они занимают. И конечно, важно понять, насколько сознание руководителей соответствует сознанию тех, кем они руководят. Наконец, последнее: отчего подобная комбинация руководителей и руководимых вообще сложилась? И здесь мы переходим в область истории.

Собственно, «история» и есть главная тема, главная формочка текстов, составивших эту книгу. История здесь выступает сразу в трех ролях. Первая роль – история страны и общества, о которых идет речь. Здесь главными действующими лицами стали – отчасти даже неожиданно для автора этой книги, ведь он ее сложил из отдельных текстов, довольно разношерстных, – Николай Первый, Карл Маркс, Александр Третий, Константин Победоносцев, Ленин, Сталин и, конеч-

но, несколько современных деятелей. Вторая роль истории в нашей книге – это объект, существующий в общественном сознании и в сознании власти, «история» как сюжет, в ее отношении с бесформенным «прошлым». В частности, автора занимает такая современная российская черта, как массовая одержимость историей, при деградации настоящего академического исторического знания. Оттого отдельная глава посвящена профессии историка – и перипетиям, которые с ней происходят в России в последние почти сто лет. Наконец, третья роль «истории» в этой книге – это «истории» во множественном числе. В английском языке есть два слова, которые переводятся на русский словом «история», – history (собственно, «история», события прошлого, имеющие определенную хронологию, закономерность и даже смысл, события, записанные в «историю» как «книгу», как «повествование») и story (бытовая история, случай, нечто приключившееся с кем-то). Так вот, в подзаголовке названия книги стоит «Истории времен Путина», что значит именно «истории» во множественном числе, случаи из времени правления нынешнего президента страны. Ни в коем случае «Постоветский мавзолей прошлого» не претендует на попытку написать историю путинского периода (2000–2016). Это именно отдельные «истории», анализ и интерпретация которых позволяет нам сделать кое-какие – надеюсь, важные – общественно-политические и социокультурные выводы. Одна из глав называется «Пробы цайтгайста». Именно так можно определить

жанр книги.

Соответственно, выводов автор почти не делает – кроме двух. Первый выдается в качестве гипотезы в «Увертюре» – российское общество переживает (или даже уже пережило) катастрофу. Второй вывод – собственно, вывод – содержится в последнем эссе. Он таков: постсоветский период в истории России завершен, проект закрыт, но никто еще не сказал «Все свободны!» Можно – и даже нужно – сколько угодно не соглашаться с этими диагнозами, но автор уверяет читателей, что поставлены они безо всякой тени эмоционального возбуждения, холодно и отстраненно. Как писал Монтень в конце цитированного эссе, «всякий, кто долго мучается, виноват в этом сам. Кому недостает мужества как для того, чтобы вытерпеть смерть, так и для того, чтобы вытерпеть жизнь, кто не хочет ни бежать, ни сражаться, чем поможешь такому?» Задолго до Монтеня Будда сказал: «Никто никому не может помочь». Оттого в этой книге отсутствует даже поползновение пасти народы. Что не отменяет обязанности попытаться понять, как же они пасутся – и кто и как их пасет.

Кстати, о стадах. Слово «мавзолей» в названии – не потому, что речь идет о стране, на главной площади которой стоит подобное сооружение. Тут другая история. Как известно, «мавзолей» происходит от имени карийского царя Мавзола (или Мавсола, IV век до н. э.), сестра которого Артемисия соорудила для него роскошную усыпальницу в Гали-

карнасе, причисленную к чудесам света. В этом автор книги видит некую аллегория постсоветского периода истории России как такового: кажется, что главным занятием последних российских 25 лет было возведение бессмысленно-монументальной усыпальницы «советского». Проспер Мериме писал: «Мавсол умел выжимать соки из подвластных ему народов, и ни один пастырь народа, выражаясь языком Гомера, не умел глаже стричь свое стадо. В своих владениях он извлекал доходы из всего: даже на погребение он установил особый налог... Он ввел налог на волосы».

Наконец, благодарности. Уже много лет автор не мыслит собственной жизни без чтения и перечитывания текстов Александра Герцена, Лидии Гинзбург и Джорджа Оруэлла (эссеистики). Это обстоятельство наложило несомненный отпечаток на способ рассуждения в данной книге – и даже на стиль. Если в ней и есть что-то стоящее, то благодаря этим писателям. Важную роль сыграло и неоднократное возвращение к эссеистике Исайи Берлина и дневникам Александра Блока. Естественно, все грехи этой книги – на совести автора и никого больше.

Большинство вошедших сюда текстов было опубликовано на сайте «Настоящего времени» (<http://www.currenttime.tv>) в рамках авторского проекта «История времен Путина». Остальные эссе – на Colta.ru, в Open Demoscasy и в журнале «Неприкосновенный запас». Большое спасибо Кенану Алиеву, Александру Касаткину, Ольге Серебряной, Гленну Кейт-

су, Михаилу Ратгаузу, Глебу Мореву, Михаилу Калужскому,
Тому Роули за эту возможность.

Увертюра: остров Робинзона

1. No Future?

*Don't be told what you want,
Don't be told what you need,
There's no future, no future,
No future for you.*

Sex Pistols

В этом тексте речь пойдет о банальностях, которые многие и так знают. Я попробую расставить банальности согласно их внутренней логике и посмотреть, что получится.

Происходящее сейчас с Россией, особенно в сфере общественного сознания, совершенно справедливо называют катастрофой. Посмотрим, из чего она состоит. Главная черта этой катастрофы – потеря обществом представления о реальности собственного существования, экономического, социального, культурного и политического; далеко зашедший процесс стал причиной моральной деградации социума. Последнее, в свою очередь, делает невозможным любую общественную дискуссию, что порождает дальнейшую деградацию. Российское общество не смогло выработать язык такой

дискуссии, оно не в состоянии обсуждать даже простые и насущные проблемы – прежде всего потому, что не хочет признать самого существования этих проблем. Так больной с последней стадией рака порой уверен, что в ближайшее время все его хвори отступят и он, бодро вскочив с одра, побежит по обычным делам.

В общественном сознании сложилась своего рода шизофрения: повседневные трудности и беды, с которыми сталкивается россиянин, воспринимаются как существующие исключительно в его частной жизни, никакого отношения к общей ситуации в стране, прежде всего к политике, не имеющие. Политическая система, власть, административное устройство, публичная сфера – все это существует как бы отдельно от плохой медицины, скверных школ, коррупции и обнищания. Во второй из этих сфер – которую россиянин и считает настоящей – он склонен прагматично решать свои проблемы «явочным порядком», а к первой он равнодушен, не воспринимает ее как что-то важное. Более того, в рамках публичной сферы он предпочитает высказываться и действовать безответственно, так как, по его мнению, происходящее здесь никак не связано с его реальной жизнью. «Реальное» существует только в повседневности, никаким общим правилами не следующей.

Все это – результат крайней атомизации общества, которая имеет как исторические, «долгоиграющие» причины, так и относительно недавние. К первым можно отнести по-

следствия нескольких страшных потрясений, случившихся с российским обществом с начала XX века, а также «негативную селекцию» — основу социальной политики сталинского времени (и отчасти последующих времен). Не будем забывать очевидную вещь: нынешнее население России составляют потомки людей, случайно уцелевших в поражающей воображение мясорубке. Это многое объясняет. Устойчивые горизонтальные социальные связи, сама идея социальной, классовой, гендерной, поколенческой солидарности — все это невозможно в атомизированном обществе; в нем подобные связи имеют шанс возникнуть лишь на непродолжительное время, чтобы тут же исчезнуть безо всякого следа.

Еще одно обстоятельство, недавно как бы «современное», но постепенно уходящее в разряд «исторических». Роковую роль сыграли неолиберальный курс и сопровождавшая его риторика девяностых по поводу «невидимой руки рынка», каковая рука якобы все расставляет по нужным местам и разрешает все трудности. «Невидимая рука рынка» может иногда (далеко не всегда) сработать в таком обществе, которое традиционно привыкло осознавать свои интересы, готово их защищать и реализовывать, в обществе, где есть группы, объединенные представлениями об идентичности и внутренней солидарности, — но только не в тотально атомизированном социуме. В последнем неолиберальные представления приводят к триумфу самого циничного эгоизма.

Без этого эгоизма нынешний режим в России был бы невозможен.

К относительно недавним причинам следует отнести осознанную политику власти последних полутора десятилетий, которая сделала все, чтобы в России не возникли горизонтальные социальные связи, поставив тем самым под сомнение знаменитую административную «вертикаль». Страх, принуждение и поощрение самого примитивного цинизма в ущерб общественному интересу – все это имело свои плоды. Усердие, с которым власть уничтожает любые общественные инициативы и организации, исходит именно из этого; в результате, как уже было сказано, в российском обществе почти отсутствуют институционализированные проявления сколь-нибудь значительной солидарности – профессиональной, социальной, любой иной (кроме тех ее разновидностей, что пестуются властью, вроде полукриминальной солидарности полицейских, сотрудников секретных служб и т. д.).

В результате российское общество имеет слабое представление о реальности иного порядка, нежели персональные повседневные заботы, – о реальности существования себя как целого, о реальности собственных общественно-политических интересов, о реальности сложного устройства жизни за пределами страны. Равнодушие (и даже презрение) к общественной сфере используется властью, которая легко манипулирует атомизированным социумом, подменяя мучительную (из-за отсутствия понятного всем языка) обще-

ственную дискуссию контролируемые всплесками массовой истерики по надуманным, искусственным поводам. Подобная истерика дается обществу легко, ибо она касается вещей, прямо «обычного человека» не касающихся, вещей в практическом смысле неактуальных – вроде козней Америки, мумии Ленина или так называемых «традиционных ценностей». Последние ведь тоже воспринимаются как нечто орнаментальное и не требующее никакой реальной ответственности. Так сформировалась странная идентичность нового русского патриота, своего рода калейдоскоп, в котором яркие картинки случайно составляются из случайных вещей, предложенных властью. Именно поэтому официальная пропаганда столь успешна в России – она в каком-то смысле дает возможность члену общества «играть» с определением себя как «патриота», не требуя за это никакой ответственности. Все абсолютно не обязательно, царство легкомысленного произвола.

Исключительно важную роль в этом процессе играет прошлое, ставшее богатым ресурсом для такой политики. Прошлое используется для оправдания глупостей или преступлений, совершаемых властью – а также обществом по указанию или намеку власти. Создается иллюзия, что «история» может оправдать любое действие, ибо никакой моральной ответственности из манипуляций с прошлым не вытекает. Прошлое для нынешнего режима – ресурс вроде нефти или газа, который следует использовать самым выгодным

для себя образом. С другой стороны, у жителей России нет осмысленного, развернутого представления о собственном прошлом (личном, персональном, семейном), вместо него – набор истерических реакций по задаваемым властью поводам; сама же «история» рассматривается только как «общая», «государственная», «наша», но не «моя». Одним из последствий этого стало разрушение самого сильного из типов социальной солидарности – персональной солидарности с собственными родителями, семьей и т. д. Смерть члена семьи в советском лагере никак не соотносится в сознании нынешнего россиянина с его нынешними дифирамбами людям и институциям, которые это убийство организовали и осуществили. Моральный упадок и разрушение дошли до такой степени, что родители военных, незаконно посланных воевать в Донбасс и погибших там, относятся к происшедшему как к несчастному случаю, не больше. В хаосе случайного солидарности не бывает.

Результат известен: исчезновение в России политики как таковой – и интереса к ней. И не только потому, что власть уничтожила оппозицию: общество просто не видит никакого смысла в функционировании самой сферы публичной политики. Эта сфера никак не связана с его жизнью, оттого ее лучше передоверить несменяемой власти, сколь бы жестокой, неэффективной и коррумпированной она ни была. Попытки оппозиции, особенно неофициозной прессы, как-то противодействовать этому обречены по простой причине:

несогласные вынуждены обсуждать – пусть и с критической точки зрения, в данном случае это неважно – ту же самую повестку, которую предлагает власть. Если Кремль говорит «да», оппозиция автоматически говорит «нет» – и наоборот. Публичная политика и общественная дискуссия свелись к самой примитивной перебранке, не имеющей ровно никакого рационального обоснования. Исчезновение представления о реальности, господство иррационального и «задушевного» (обозначим так область психического, эмоционального, в которой совершенно растворилось рации) – вот что в сегодняшней России представляет собой эта сфера. Достаточно вспомнить прискорбную шумиху вокруг «исчезновения» президента Путина на несколько дней в конце зимы 2015-го – никому, кроме власти, подобные трюки не выгодны, ибо демонстрируют убожество «общественной дискуссии» в сегодняшней России.

Катастрофа автоматически исключает возможность перемен, так как не предполагает выхода за свои пределы. Перед нами царство тавтологии. В каком-то смысле сторонникам власти и оппозиции удобно следовать нынешнему порядку вещей: все заранее определено, и нет никакой нужды иметь в виду Другого, кого-то или что-то, находящееся вне влияния собственной точки зрения. Несмотря на ожесточенные споры, подлинная дискуссия не ведется; стороны не пытаются убедить друг друга, они в который раз убеждают себя в собственной правоте – и только. Ни одно оппозиционное изда-

ние не пытается расширить аудиторию и привлечь на свою сторону оппонентов; что касается последних, то они тем более довольны своим положением.

Распавшееся на атомы общество не может и не хочет понять само себя, что – еще и еще раз – устраивает власть: ведь таким образом она только укрепляет свои позиции. Никакие экономические трудности, никакие социальные проблемы положению нынешнего режима не угрожают, так как различные социальные группы и отдельные люди не воспринимают эти проблемы в качестве «политических». Возникающие неприятности разрешают одноразово, но никто не пытается взяться за них системно: ведь для этого нужно осознание того, что где-то (а чаще всего рядом) существуют такие же люди, оказавшиеся в подобной же ситуации. В реальной жизни групповой интерес оформляется в политическом языке, понятном для всей этой группы, – и тогда выносятся в сферу политического. Только в таком случае возникает реальная повестка дня для общества – и возможность ее воплощать в виде системы политических партий и институтов.

Базовым для реальной идентичности общества, его сложноустроенной солидарности является представление о будущем, образ будущего. Отметим, что будущее – как для страны, так и для отдельных граждан – сегодня в России не обсуждает никто, по крайней мере конструктивно. Катастрофических сценариев высказывается немало, однако сам этот жанр исключает возможность положительного ответа на

смертельную общую опасность. От катастрофы либо бегут, либо смиренно ждут ее. В любом случае в России больших планов на будущее не строит никто; особенно такого разговора избегает власть. Почему?

Любой серьезный образ будущего, предлагаемый обществу, основывается на настоящем и способе его восприятия (конечно, речь здесь не идет об утопических проектах вроде коммунистического). Если реальность настоящего не воспринимается россиянином на ином, кроме бытового, уровне, то такой образ строить просто не из чего. «Будущее», к которому стоит стремиться или хотя бы на него ориентироваться, не может состоять из дробных сегодняшних дел; будущее – сложный проект, детали которого отбираются из работающих экономических, социальных и политических механизмов, институций, признанных многими, отбираются из того, что как таковое не отвергают члены общества, указывая лишь на необходимость доработки и улучшения. По поводу таких деталей будущего уже сегодня должен существовать своего рода социальный консенсус. Подобных институций в современной России нет. Государственный аппарат, судебная система, школы и университеты, здравоохранение, академическая наука, армия, пресса – практически все дискредитировано. В такой ситуации говорить о будущем, где будут школы или больницы, полиция или суды, пусть даже идеальные, неловко. Оттого власть и не говорит. Что касается оппозиции, то ей тут просто нечего сказать. Во-первых, она иг-

рает по правилам, установленным властью; в основном это касается тем дискуссий. Во-вторых, оппозиция, за небольшим исключением, базируется в столице и плохо представляет себе устройство жизни за ее пределами (да и внутри, честно сказать, тоже не очень). В-третьих, именно оппозиция предпочитает говорить о «катастрофических сценариях» будущего, сужая тем самым свое поле для маневра, и без того весьма ограниченное. Оппозиционная риторика сфокусирована в основном на нескольких персонах; при этом умалчивается о том, что же должно произойти, если по каким-то причинам эти персоны вдруг исчезнут. Все, что предлагают столичные противники власти, – заменить плохих руководителей хорошими; при этом – несмотря на претензии быть «демократами» – оппозиционеры на самом деле надеются, что их требования «свободных и честных выборов» не станут реализованы немедленно. Они догадываются, сколь ужасными для них и для страны будут сегодня результаты таких выборов. С этим невозможно не согласиться.

Дезориентированное, атомизированное, деградирующее общество, цинично-изошренная, но стратегически близорукая опрометчивая власть, сознательно разрушающая собственную страну, и ее тень, немногочисленная оппозиция, не желающая понять, чему именно она оппонирует – и, самое главное, для чего. Потерявшие доверие полумертвые институты, распадающаяся государственная система, оплетенная сетью неформальных связей и неформальных интересов

скрытых от взора групп. Внешнеполитическая изоляция. Таков результат 25-летней постсоветской истории России, начавшейся с призывов к «нормальной жизни». Похоже на катастрофический сценарий, который мог быть придуман четверть века назад. В этом смысле катастрофа действительно произошла. Вопрос в том, что в этой ситуации делать – и стоит ли вообще что-то предпринимать.

2. Португальские книги Робинзона Крузо

Перечисляя вещи, перевезенные мною с корабля, как уже было сказано, в одиннадцать приемов, я не упомянул о многих мелочах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее большую службу. Так, например, в каютах капитана и его помощника я нашел чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подозрительные трубы, географические карты и корабельный журнал. Все это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Затем мне попалось несколько книг на португальском языке. Я подобрал и их.

Даниэль Дефо. «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове, у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами. Написано им самим»

Единственное будущее российского общества, которое имеет смысл обсуждать сегодня, – если вообще это кому-то интересно – посткатастрофическое будущее, точнее, его об-

раз, неясные очертания. Можно даже попробовать представить себе базовые элементы такого будущего – на самом примитивном уровне, конечно. Скажем, договоримся, что через какое-то время (десять, двадцать или тридцать лет, в данном случае это неважно) население России будет снискивать себе пропитание, растить и обучать детей, избегать страдания, болезней и смерти, не чураться развлечений. Кажется, все. Но где взять механизмы, которые позволят это делать на уровне всего общества, если они дискредитированы? Ведь атомизация общества в какой-то момент (и он уже наступает) не даст возможности отдельному атому исполнять даже столь нехитрые функции, как продолжение рода и поддержание жизни. Так что хочется или не хочется, но придется-таки обратиться к потерявшим доверие социальным и административным механизмам. Но прежде – небольшое замечание.

Образ будущего, пусть даже расплывчатый и не обязательный, не может быть предложен российскому обществу «сверху», «сбоку», вообще со стороны. Его привлекательность, если вообще можно об этом говорить, есть результат его самодостаточности. Образ будущего представляет собой комбинацию разных отношений разных социальных групп (прежде всего способных сформулировать свои надежды) к уже существующей ситуации – кто бы ее ни интерпретировал, власть или оппозиция. Для посткатастрофического российского общества единственный вариант таков (весьма ту-

манный, но все же): этот образ должен складываться в ходе совместной работы социума и тех, кто может профессионально оценить его состояние, содействовать разработке языка общественной дискуссии, помочь сформулировать интересы различных групп. Иными словами, условием появления действительно притягательного образа будущего является создание рамок и способов его обсуждения. А теперь вернемся к механизмам сегодняшней российской жизни.

Эти механизмы надо не только определить по типу «хорошие» или «нехорошие», «непорочные» или «дискредитировавшие себя» (или даже «дискредитированные»); следует узнать, что они на самом деле собой представляют сегодня. Вот действительно нужная и достойная работа: тщательно описать и изучить механизмы функционирования российской жизни на низшем и среднем уровнях – как на самом деле устроена система местной власти, как работают школы, больницы, учреждения культуры, кто там трудится, на какие доходы в действительности существуют учителя, врачи и библиотекари, какова реальная экономика мелкого и среднего бизнеса, нарисовать социальный портрет тех, кто идет контрактником в армию, выяснить, на чем строится материальное благополучие работников силовых структур и бюрократии, и проч. Безусловно, этим уже давно занимается немало социологов, экономистов и представителей других профессий – разве что «политологов» я бы исключил, их подобные вещи вообще не интересуют. Все верно, но такого

рода работа, такого рода знание имеет сейчас в России чисто академический характер и не претендует на выход из довольно узких рамок академического описания отдельных феноменов, не становится общественно значимым (да и просто общественно известным) фактором. Работа, которая может способствовать пониманию обществом самого себя, – вообще не академический проект, скорее последовательная серия обсуждений с участием представителей разных социальных групп и – конечно же – социологов, экономистов, журналистов и проч. Обсуждения эти могут постепенно расширять социальный охват, фокусироваться на все большем количестве разных тем, в идеале – превратиться в постоянный процесс, все время присутствующий в медийной – и даже повседневной – жизни. В результате возникает возможность нащупать реальную жизнь российского общества, что включает шанс для самих членов этого общества понять себя, так сказать, приблизиться к собственной реальности. Кроме того, в ходе подобных дискуссий вырабатывается соответствующий язык, который в конце концов будет способствовать осознанию разными социальными группами своего интереса как политического. С этого начинается *grassroots movements and politics*.

Следующий пункт можно было бы назвать «работой с прошлым». Многим очевидно уже сейчас: пока не поздно, следует остановить постыдное использование истории России в качестве ресурса и инструмента идеологической мани-

пуляции. Этот прискорбный процесс стал возможен прежде всего благодаря глубокому историческому невежеству, причем в данном сюжете и власть, и общество в России находятся примерно на одном уровне. Так что речь идет о разновидности просвещения, но только отчасти. Важнейшая задача. вывести из тени, переформулировать и предложить обществу «Историю российской свободы и справедливости» вместо «Истории государства Российского». Опять-таки перед нами не чисто академический вопрос, хотя задача эта тесно связана с высоким гуманитарным знанием. Чтобы начать действовать в этом направлении, нужно трезво представлять себе нынешнее положение дел. В учебниках, в госпропаганде, в головах подавляющего большинства населения страны царит государственническая, мифологическая концепция прошлого страны, по сути – история смены правителей и трансформации государственных институций (специалисты называют это «историей Иловайского», по автору дореволюционного учебника). В советские годы – после того как Сталин вернул преподавание истории в учебные заведения – такая разновидность истории господствовала, будучи лишь слегка изменена и дополнена «классовой борьбой» и цитатами из классиков марксизма-ленинизма. В постсоветское время подобный подход окончательно восторжествовал, причем в самом архаичном виде; более того, именно такие представления оказались наиболее популярны в обществе, ибо они лучше всего отвечают прагматическим целям и задачам вла-

сти, составляя базу для столь мощного инструмента официальной пропаганды, как медийная поп-история. Таким прошлым легче всего манипулировать, вытаскивая из него на всеобщее обозрение ту или иную известную историческую фигуру, одновременно развлекая и индоктринируя публику. В этой истории нет места для истории социальной, для истории разных народов, населяющих Россию, отодвинута на второй план региональная история, наконец, отсутствует совершенно иная российская традиция – та самая традиция справедливости и свободы. Эта традиция осторожно использовалась (и даже пропагандировалась) в советское время, однако была дискредитирована как способом ее преподавания и изучения, так и ее местом в советской идеологии. Радищев, Чаадаев, ранние славянофилы и западники, Герцен, Чернышевский, народники, либералы и социал-демократы начала XX века – большинство из них в советской исторической концепции выполняло роль близоруких предтеч большевизма, как бы лишаясь собственного места и уникальной ценности; в результате вместе с крахом советской идеологии эта линия – мощная, живая, сложно устроенная и потенциально плодотворная, ибо объединяла идею «свободы» с идеей «справедливости» (прежде всего социальной), – ушла в тень. Замечательный пример – скромно отмеченное в 2010 году столетие смерти Льва Толстого. Толстой оказался опасен и власти (противник официального православия, анархист, беспощадный критик милитаризма, классового обще-

ства и т. д.), и либеральной оппозиции, для которой он слишком радикален и пугающе враждебен к «культуре».

Почти все созидательное, действительно полезное, осмысленное из того, что произошло с русским обществом и русским общественным сознанием в последние два века, связано с представителями «истории свободы и справедливости», с их идеями и их деятельностью. Точно так же в тени осталась социально-демократическая линия советского диссидентства – в отличие от религиозной и националистической. Образ будущего российского общества невозможен без «истории российской свободы и справедливости» – никто больше представителей этой традиции не способствовал тому, чтобы Россия лучше узнала сама себя и свое действительное, а не воображаемое место в мире. «История свободы и справедливости» ждет того, чтобы ее переоткрыли, предъявили без помпы или сентиментального придыхания, представили в качестве живой, актуальной, а не покрытой академической патиной.

Наконец, последнее. Чем же может функционально стать образ будущего, о котором идет речь? Прежде всего точкой сборки самых разных идей и представлений о трансформации общества и государства. В таком случае важность этих идей и представлений оценивается не с позиции их сегодняшней практической применимости, а исходя из соответствия, даже устремленности к угадываемому образу будущего – не утопическому или катастрофическому (не забудем,

катастрофа уже произошла), а тому, что исходит из здравого смысла.

Сегодня здравый смысл применительно к российскому обществу можно было бы определить как комбинацию самых разнообразных движений в следующих направлениях. обрести представление о себе самом, «вернуться в реальность» собственного прошлого и настоящего (постепенно вернуться, ибо атомизированное общество не вынесет мгновенно поставленного перед ним зеркала), в процессе обсуждения выработать свой собственный язык, свою собственную повестку дня, не зависящую от фронтов нынешней «холодной гражданской войны». В результате может возникнуть хотя бы намек на общественное согласие по поводу того, к чему действительно следует стремиться, на молчаливое принятие некоторого набора целей. До поры до времени эти цели находятся вне сферы политического. Пути достижения таких целей у разных социальных, этнических, гендерных, конфессиональных групп разные; каждая из них формулирует свои интересы и способы их достижения – оказавшись тем самым уже в политической сфере. Вот с этого момента консолидации разных социальных групп на базе взаимного признания интересов других (и на основе разделяемого многими языка общественной дискуссии) в стране может начаться настоящая политика. Эмоциональная, реагирующая, бульварная, истерическая повестка дня, навязанная сегодня властью обществу, имеет шанс смениться реальной. Шанс,

впрочем, небольшой.

Раздраженный читатель спросит: мол, хорошо, но кто все это будет делать, кому это нужно? Ответ простой – любой, кто, подобно Робинзону Крузо после кораблекрушения, захочет выжить и устроить себе и окружающим новую, человеческую, просто хотя бы какуюнибудь посткатастрофическую жизнь. Крушение обнуляет почти все, что было до него, включая привычки людей. Лучшим другом Крузо оказался каннибал, сменивший в силу новых обстоятельств диету.

Глава I

Состояние умов

Кошмар неистории

Я неоднократно пыталась связаться с руководством Чеченской Республики, чтобы задать вопросы и получить на них ответы. К сожалению, чеченские чиновники предпочли общаться со мной посредством сообщений других СМИ, а не лично. На контакт вышел только руководитель администрации главы и правительства Чеченской Республики Магомед Даудов. Тот самый Лорд, который сопровождал Хеду Гойлабиеву в ЗАГС. Свое отношение ко всей этой печальной истории он выразил в sms:

«Есть такая поговорка у болельщиков: главное не как сыграли, а счет на табло».

Елена Милашина. «Новая газета». 20.05.2015

Эта история произошла в начале мая 2015 года в Чечне. 16 мая в городском загсе Грозного зарегистрирован брак 46-летнего главы Ножай-Юртовского РОВД Нажуда Гучигова и 17-летней Луизы (Хеды) Гойлабиевой. Сообщения о том, что немолодой милиционер собирается жениться на несовершеннолетней, да еще и при довольно темных обстоятель-

ствах – вызвали медийный скандал. Прежде всего, непонятно, разведен ли Гучигов – у него есть уже одна жена и сын от этого брака. Сам жених путался в объяснениях, то отрицая любые матримониальные намерения в отношении Гойлабиевой и воспевая свою любовь к первой (и единственной на тот момент) супруге, то – уже потом – отрицая свои отрицания. Ему, как водится в последнее время, даже пришлось кое-что убрать со своей страницы в соцсетях. По слухам, свадьба назначалась два раза, два раза отменялась; Рамзан Кадыров – покровитель Гучигова – то гневался, то смягчался; говорят, что жители села Байтарки, где живет семья Гойлабиевой, не пускали людей жениха и перекрывали дороги; дороги перекрывали и люди Гучигова. В общем, история мутная и грязная. Отважная журналистка «Новой газеты» Елена Милашина написала обо всем этом удивительно точный и горький репортаж – за что ее тут же принялись травить в Чечне. В конце концов 16 мая это преступление – а перед нами действительно преступление по формальным признакам, от многоженства до принуждения к браку несовершеннолетней без специальных, оговоренных российским законом причин, – было совершено. О нем поговорили и вскоре забыли. Очередная чеченская история времен Путина, не больше. Но она указывает на многое, что происходит с обществом – не только с чеченским, а со всем российским. С обществом, которое равнодушно взидало на очевидную гнусность.

«Мачистская гнусность патриархального общества» – феминистки, писавшие об этом, правы. Но я бы несколько изменил формулировку: мачистская гнусность общества, решившего, что оно патриархальное. Ниже речь пойдет как раз о последнем обстоятельстве.

Нынешнее российское общество такое же исконно патриархальное, как Рамзан Кадыров – китайский император. Революция и первые полтора десятилетия советской власти сделали такое общество невозможным – и не только из-за ненависти ко всему, что можно было бы назвать «старым порядком». Ведь для строительства коммунизма нужна довольно однородная масса, так что гендерное различие, как и классовое, воспринималось с подозрением. Целью освобождения советской женщины от патриархального рабства было формирование полноценного строителя новой жизни; отсюда – долой домашний быт, семью и пр. При всем злодействе большевиков, они женщин действительно освободили – по крайней мере, тех, кто остался в живых после Гражданской войны и последовавших, относительно вегетарианских еще, репрессий. Отказ от строительства коммунизма в пользу неявного, обладающего подвижными хронологическими и содержательными границами социализма, отказ от идеи мировой революции в пользу воссоздания Российской им-

перии на относительно новых идеологических основаниях – все это похоронило гендерную эмансипацию; репатриархализация общества была начата при Сталине. Возвращение к практике имущественного неравенства, которое превратилось, как известно, в имущественную пропасть в позднем сталинизме (об этом писала, к примеру Лидия Гинзбург), – вещь из того же ряда.

Новая попытка эмансипации – хрущевское и раннебрежневское время. Здесь дело не только в кавер-версии советских 1920-х, которой была, по сути, оттепель; советские женщины стали зарабатывать примерно столько же, сколько советские мужчины (может быть, чуть меньше, но это не столь важно здесь), но в то же время за ними остались вся домашняя работа и воспитание детей. Советский «мужик» – тут уж действительно неважно, городской или деревенский, – оказался не очень нужен. По большей части он сидел в майке-алкоголичке на кухне, переругивался с женой, которая после работы варила обед да еще и присматривала за тем, как дети делают домашнее задание. Именно тогда советский мужик вообразил, что он тут главный: ведь, как главный, он ничего толком не делает, зато может покомандовать женой, а то и прибить ее. Перед нами разновидность ползучего сопротивления нового советского мещанства против относительно уже старой, полусдохшей коммунистической идеологии равенства; сегодня те, кто клянется в верности заветам прекрасной старины, на самом деле воспроизводят позднесовет-

ский гендерный расклад.

Так называемая «традиция» в постсоветской России есть традиция позднесоветская, глубже 1965 года в основном не уходящая. Знание о более древних обычаях, нежели раздавить пузырь на троих в подъезде, основывается на позднесоветском же кинематографе, литературе и поп-культуре вообще. Показательно, что для производства кислых шуточек по поводу драмы с несчастной чеченской девушкой использовали – что же еще? – фильм «Кавказская пленница» (1966). Мы имеем дело с обществом, на самом деле считающим своим «древним истоком» брежневский Советский Союз, точнее позднесоветскую поп-культуру. «Патриархальность» такого общества воплощена не в седых благообразных старейшинах, разбирающих своры родичей, а в полупьяных мужиках-резонерах, лжецах, насильниках и бездельниках, которые привыкли компенсировать свою никчемность, извергая очередную чушь про 27-летних женщин, потерявших *fuckability*¹. Забавно, что автор известного изречения не задался вопросом о собственной *fuckability* – ведь он несокрушимо уверен, что рефери здесь может быть только один, в трениках с вытянутыми коленками, в той самой майке-ал-

---

¹ «14 мая Павел Астахов в беседе с “Русской службой новостей” заявил, что ранние браки разрешены российским законодательством, и в разных регионах установлены разные нижние пределы для их заключения. В том числе Астахов заявил, что “на Кавказе раньше происходит эмансипация и половое созревание” и существуют места, “где женщины уже в 27 лет сморщенные”»: <https://meduza.io/news/2015/05/15/pavel-astahov-izvinilsya-za-slova-o-smorschennyh-zhenschinah>.

коголичке, со стаканом в одной руке и газетой «Советский спорт» в другой. Не почтенный старейшина, а расхристаный Афоня – вот столп постсоветского патриархата. Более того, Афоня и есть символ возможного примирения российского общества: ведь под знаменем «телочек» готов встать практически любой «настоящий мужик» – либерал и крым-нашист.

И вот здесь возникает главный вопрос: почему все так происходит? То есть на самом деле: почему все так уже сложилось? Откуда эта страсть ко всему посконному и домо-тканому, которая оборачивается страстишкой к задушевной позднесоветской тоске, искусно дистиллированной в дюжине клаустрофобических фильмов брежневских времен, где скучные люди додезодорантной эпохи едут в львовских автобусах среди других скучных людей, маются, невесело шутят и, самое главное, знают, что завтра будет как вчера? Разница только в том, что те – позднесоветские – герои от такого знания мучились (пусть и не очень сильно), а нынешние с энтузиазмом мечтают впасть в то же состояние. Наиболее наивные из критиков путинского общества видят в этом возврат то к «феодализму», то к «дикости», а то и к «совку», что совершенно неверно, даже последнее.

«Совок» здесь актуален лишь потому, что поп-культура второй половины шестидесятых – середины восьмидесятых – единственная реальная реальность, доступная нынешнему российскому обществу; то, что было раньше, совершен-

но непонятно постсоветскому человеку, не прочитывается². Это сознание заперто в камеру, где нет «современности» и нет «будущего», а «прошлое» показывают в телевизоре. Причем «далекое прошлое» берется в образах «недавнего прошлого» и подается зрителю как «вечное прошлое». Так что на самом деле никакого прошлого там тоже нет. Там есть вечное настоящее, которое совсем не означает «современности», модерности. Скорее наоборот: «современность» предполагает историю, вечное «настоящее» – нет. Постсоветский человек просто мечтал выпасть из истории, которая так обидела его. Он сознательно сделал это, так и не поняв, что сам является чистейшим результатом травмировавшей его истории. В итоге историческое время, основанное на идее дискретности хронологически расположенных элементов, сменилось в его голове мифологическим, где все является всем, безо всякого различия. Правы были фоменковцы – «Батый это Христос это Александр Македонский это Батый». Круг всегда замыкается. Напомню: среди последователей «новой хронологии» – Эдуард Лимонов и Гарри Каспаров. Это тоже многое объясняет.

---

² Оттого и сегодняшние опереточные сталинисты разговаривают гладкими словами из мягкосталинофильской продукции 1970-х, а не корявым идеологическим языком позднего сталинизма. Палаческие же лозунги из времен Большого террора неосознанно берутся как цитаты из позднейшего пересказа историй о полезности сталинских времен. Да и сам образ Сталина в нынешнем российском сознании – из официозной кинопродукции семидесятых: уютный кавказский дядюшка с трубкой.

Говоря попросту, постсоветское общество пытается (причем довольно единодушно) – поверх этнических, культурных, религиозных и даже социальных барьеров – отменить историю, но только для себя самого. Вокруг пусть бушуют события – по возможности неприятные, чтобы был повод позубоскалить, – но здесь у нас все идет по накатанной колее. В этом нет никакого консерватизма; последний исходит из того, что в какие-то моменты прошлого было хорошо, а в какие-то нет, консерватизм основан на выборе между разными образами прошлого, соответственно на акте различия. Консерватор будет любить либо царя, либо Ленина, либо Сталина, либо Брежнева; любить их всех одновременно он просто не сможет. Роль консерватора в постсоветском обществе пытается играть КПРФ, но вместо консерватизма у них получается розовая рвотная масса, цвет которой определяется сочетанием непереваренных и извергнутых красных (коммунизм) и белых (православие и народность) корпускул. Собственно, вся «традиционность», которой поклоняются сегодня в России, – того же розового цвета.

Итак, отменить историю – задача грандиозная, не менее серьезная, чем желание Ульриха из романа Музиля «Человек без свойств» «отменить реальность». Раз уж зашел разговор о великом модернизме: «отменить историю» в исполнении условного путинского чиновника, чеченского милиционера или скромной учительницы в городе Лукоянов Нижегородской области совсем не соответствует истерическому

«проснуться от кошмара истории» в исполнении джойсовского Стивена Дедала. Дедал конкретно-исторически мучим своим конкретно-историческим окружением эпохи Национального Возрождения, когда «национальную традицию» не столько возрождали, сколько изобретали, конструировали, отделяли. Почти все «национально-традиционное» появилось в то время, со второй половины XIX века по начало XX. Это был процесс, приведший в конце концов к мировым войнам, гибели пяти империй, революциям, к созданию независимых «национальных государств», тоталитаризму и авторитаризму, этническим чисткам и геноциду, а также к расцвету позднеромантической литературы, музыки, театра и живописи со скульптурой. Заканчивая «Портрет художника в юности», Джойс просыпается от этого кошмара – и пытается пробудить своего героя. Его следующий роман «Улисс» – памятник этому пробуждению, а тот, кто вводит Дедала в мир настоящей современности, – обыватель, еврей, космополит Блум. Кошмар рабства у изобретенной традиции кончается, начинается бодрствование в современной истории. Постсоветский человек, в отличие от Дедала, не считает историю кошмаром, он просто считает, что она – будучи штукой болезненной и неприятной – для него просто не существует, только для других. Постсоветский человек эгоцентричен, он нарцисс, его не интересуют другие люди, страдавшие и страдающие от истории, – ему достаточно того, что в его жизни, как ему кажется, истории нет места. Оттого зна-

менитая нечувствительность и несострадание постсоветского человека к любым прискорбным происшествиям за пределами России, от стихийных бедствий и преступлений геноцида до терактов; единственное чувство, которое рождает у него подобного рода события, — вялое злорадство. Он-то давно вне истории, пусть они там помучаются.

Так что постсоветский традиционализм, частью которого стала советская патриархальность, вовсе не описывается лозунгами и фразами вроде «назад в СССР», «новое Средневековье» или «новый феодализм». На этот счет сказано много глупостей, надеюсь, социологи, антропологи и историки объяснят когда-нибудь, что предпринятое в мае 2015 года в Чечне (и одобренное по всей стране) публичное изнасилование несовершеннолетней не имеет никакого отношения ни к СССР, ни к Средним векам и феодализму. Точно так же как и покупка-продажа пленных девочек головорезами из «Исламского государства». Замечу в сторону, что «черная легенда» о западном Средневековье (а никакого другого и не было), подхваченная прогрессивной советской интеллигенцией и некритически воспринятая сегодня, сильно затемняет любой разговор о нынешнем дне вообще. Все, что прогрессивному интеллигенту не нравится, он списывает на непонятное ему далекое время, когда ходили в Крестовые походы, сжигали ведьм, поддавались суевериям и даже не догадывались, что все эти привычки будут осуждены в романах Стругацких. Интеллигенту невдомек, что ведьм сжигали по

большей части уже после конца Средних веков, суевериям он сам поддается ничуть не меньше средневекового человека, а большинство так называемых средневековых (или даже древних) традиций придумано относительно недавно, века два тому назад, если не позже. Но вернемся к нашему предмету, к отказу от истории.

Здесь следует отделять интенцию от результата. Первая вполне буржуазна, точнее мелкобуржуазна. Мелкий буржуа определенного сорта, а именно рантье, – вот кто мечтает оказаться вне истории. Жизнь на ренту возможна для людей, начисто лишенных желания действовать самим, на свой страх и риск, и в то же время мечтающих, чтобы, пока они предаются безделью, проценты капали безостановочно. Постсоветский человек после некоторых покушений в 1990-х на что-то интересное (и даже дерзкое) успокоился, остепенился и принялся жить на проценты. Сначала это были проценты от продажи ресурсов, а потом, постепенно, не без зловещего участия культурной obsługi власти, экономический ресурс превратился в символический. Как блистательно показал Илья Калинин³, вместо нефти ресурсом стала история; на самом деле даже не история вообще, а позднесоветская версия истории, сформулированная коллективными усилиями разных людей, от Пикуля и Чивилихина до Эйдельмана и Лотмана, от Сергея Бондарчука до Говорухина. Именно там – неис-

---

³ Калинин И. Культурная политика как инструмент демодернизации // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (98). С. 85–94.

черпаемые залежи всех необходимых представлений о прошлом. Удивительное время – именно тогда несколько тысяч людей изобрели весь необходимый подножный культурный корм для нескольких последующих поколений. Они создали огромный капитал, потомки положили его в банк, живут на проценты и мечтают о том, чтобы это не кончалось никогда. Это не кончится никогда, если объявить капитал, банк и себя, получающих проценты, вечными, не подверженными историческому времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.